

ПОЛЬСКАЯ ТЕМА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ВАСИЛИЯ АКСЕНОВА

THE POLISH THEME IN VASSILY AKSYONOV'S WORKS

НАТАЛИЯ КАРЛИНА

ABSTRACT. In this article the author suggests an unexpected thematic turn (the Polish turn) of analysis of V. Aksyonov's works. The analysis of the novel *Moscow Saga* (1994), for example, concerns the involvement of novel's characters in solving "the Polish question". Aksyonov's attitude to the matter coincides with A. Herzen's reaction to tragic events of 1863. But both A. Herzen and V. Aksyonov wrote not only about Russian-Polish war conflicts. These authors recognized also Polish charm.

Наталия Карлина, Университет Российской академии образования, Москва – Россия.

*Борьба Польши с Россией – одна из
самых страшных трагедий в истории.*

А. Герцен

Слово „польский” в ранних произведениях Василия Аксенова используется в значении „элегантный”, „привлекательный”, „гораздо лучше, чем советский”. Симпатичные персонажи в его повестях и рассказах читают польские журналы и оценивают обаяние своих подруг следующим образом: „ее хоть сейчас можно поместить на обложку какого-нибудь польского журнала”¹. Важно подчеркнуть, что до поездки в Польшу положительное мнение о ней у писателя уже было сформировано. Поездка в Польшу в 1962 г. стала первой заграничной поездкой В. Аксенова. Таким образом, только в тридцатилетнем возрасте знаменитый автор „молодежной прозы” смог увидеть Польшу, которая навсегда покорила его. Польша как встреча с Европой, которая одновременно близка (географически и ментально) и недоступна (административно-политически), постепенно превратилась в тему его творчества.

В конце семидесятых годов в комедии В. Аксенова *Цапля* (1980) появляется образ прелестной польской девушки-цапли, которая свободно (в отличие от персонажей комедии – советских людей) перелетает из Польши в Литву,

---

¹ В. А к с е н о в, *Звездный билет*, [в:] его же, *Апельсины из Марокко*, Москва 2000, с. 329.

попросту „не замечая государственной границы”². Составляющими символического образа Цапли являются коннотации „любовь”, „Европа, юность, мечта”³. Комедия *Цапля* будет опубликована в Москве только в 1991 г., а в Париже режиссер А. Витез поставил спектакль *Цапля* в 1983 г. в театре „Шайо” как парафраз чеховской *Чайки* (спектакль состоял из двух частей: чеховской и аксеновской), причем „деву-цаплю” играла польская актриса Богуша Шуберт⁴.

После двадцати лет своего пребывания в аксеновских текстах, в 1997 г., в романе *Новый сладостный стиль* (в эпизоде репетиции одноименного спектакля в студенческом театре американского университета) цапля, „самой своей природой отвергающая ограничения”, „источает лишь чувство чистой любви и становится ангельским созданием”⁵, лишаясь таким образом своей человеческой ипостаси. А в последнем романе, написанном в Вашингтоне – *Кесарево свечение* (2000), – цапля становится „птицей ностальгии”⁶ повествователя и прилетает за ним в „вашингтонщину”. Таким образом, символическое значение цапли обогащается новыми ассоциациями: ностальгия по Европе и собственной юности.

Но с начала 1990-х гг. в аксеновском творчестве устойчиво обаятельному образу Польши добавляется трагедийная интонация. В романе *Московская сага* (1992) польская тема имеет коннотативное значение государственного противостояния России и Польши. По поводу выхода в Польше романа *Московская сага* в интервью, данном журналу „Политика”, М. Островский отмечал „большую любовь автора к России”⁷. Это замечание ценно вдвойне, поскольку отечественные критики не заметили в романе ни польской темы, ни авторской любви к родине (например, среди обнаруженных А. Немзером семидесяти тем романа)⁸.

Авторы двадцатидвухсерийного телесериала *Московская сага* (Н. Виоллина, Д. Барщевский) польскую тему проигнорировали, о чем сам В. Аксенов писал:

² В. Аксенов, *Цапля. Комедия с антрактом и рифмованной прозой. Посвящается друзьям участникам альманаха „Метрополь”*, [в:] его же, *Право на остров*, Москва 1991, с. 466.

³ Там же, с. 485.

⁴ В. Аксенов, *Россия, которую мы любим*, [в:] *Десятилетие клеветы*, Москва 2004, с. 113.

⁵ В. Аксенов, *Новый сладостный стиль*, Москва 1997, с. 345.

⁶ В. Аксенов, *Кесарево свечение*, Москва 2001, с. 93.

⁷ *Duszne dysputy. Rozmowa z pisarzem Wasilijem Aksjonowem*, „Polityka” 1999, nr 42, с. 42.

⁸ А. Немзер, *Нам не понять – мы не любили*; В. Аксенов, *Московская сага*, „Сегодня” 1994, 22 июля; П. Басинский, *Аксенов и аксеновщина*, „Литературная газета” 2004, № 48; Б. Ланин, *Проза русской эмиграции*, Москва 1997.

К сожалению, в сериал по *Московской саге* не вошла польская часть романа, где рассказано, что такое была Армия Крайова, как там наши действовали, как мучились многие офицеры⁹.

Главному герою романа *Московская сага* – кадровому офицеру Никите Градову, – проведя его через две войны, автор доверил свое отношение к Польше. Никита „был на Польском фронте в октябре двадцатого”¹⁰, после чего „тема Польши стала для Никиты едва ли не кошмаром”. „Едва ли не кошмар” стал полным, когда Никита Градов в 1943 г. в Катыни увидел останки тысяч польских офицеров и понял, что „немцы в данном случае не врут, что это все тех же «рыцарей революции» мокрое дело” [10; II–269]. Положительный образ сталинского маршала в аксеновском романе не мог быть правдоподобным без понимания им „проклятого польского вопроса”, без личного участия в его разрешении.

„Первым позорным делом, подлым предательством” Никита Градов называет эпизод после сражения за Вильнюс в июле 1944 г., когда

как союзники дрались вместе с советскими войсками отряды „настоящей регулярной Армии Крайовой”, которую упорно „не замечало” советское руководство или называло пособниками оккупантов. „Мы сидели с польскими командирами за дружеским столом, а потом их всех куда-то увезли особисты, и они пропали – с концами!” – вспоминал с ненавистью маршал Градов, которому было „ясно как Божий день: решено раскисировать настоящее движение (польского) сопротивления и заменить его фальшивым, коммунистическим. Идет череда непрерывных провокаций” [10; II–270].

Поражает почти дословное повторение авторских оценок польских событий в *Московской саге* („Идут поголовные расстрелы мирных жителей, насилие, грабежи” [10; II–270]) и в статьях А. Герцена 1863 г., с гневом писавшего о „казнях, грабежах и гнусностях, делаемых в Польше”¹¹; „Польской кровью клеветы прислуживаются, ее уровнем меряется преданность”¹².

Никита Градов уверен, что Сталин

непреклонную наглость выказывает всякий раз по „польскому вопросу”, „видимо, давно уже считает Польшу своей собственностью”, „Таракан”, похоже, давно уже разработал свой сценарий для Польши [10; II–269].

⁹ В. А к с е н о в, *В мемуарах работает ложная память*, [в:] его же, *Зеница ока. Вместо мемуаров*, Москва 2005, с. 463.

¹⁰ В. А к с е н о в, *Московская сага: трилогия*, т. I, Москва 1994, с. 69. Текст цитируется по этому изданию, римской цифрой обозначается номер тома, арабской – номер страницы.

¹¹ А. Г е р ц е н, *Сигизмунд Сераковский*, [в:] его же, *Собрание сочинений в 30-ти томах*, т. XVII, Москва 1959, с. 221.

¹² А. Г е р ц е н, *Мясоеды самодержавия*, [в:] его же, *Собрание сочинений...*, указ. соч., с. 18.

Аксенов вводит важную деталь: дьявольские планы Сталина основаны не на ненависти к Польше, а на восхищении ею. Это показано автором как увиденное Никитой Градовым: генералиссимус

однажды в Ставке положил здоровую руку на карту, закрыв бугром ладони Варшаву, пальцами Краков и Данциг, и произнес только одно слово: „Золото!” [10; П–269].

Как известно, вопреки желанию Сталина, но в соответствии с предсказанием Талейрана (сделанным после трех разделов Польши в XVIII в.), польское государство сохранилось, поскольку удалось сохранить ее национальное сознание вкупе с языком, религией и культурой¹³. Это не может не вызывать уважения.

Аксенов подчеркивает еще одну важную деталь: не доверяя пропагандистскому московскому радио „Тадеуш Костюшко”, маршал Градов знал из сводок Би-Би-Си, что „варшавское восстание задыхается” [10; П–270], что премьер-министры Черчилль и Миколайчик обращаются к Сталину с просьбой о помощи и не получают ответа. При этом Никита разделял точку зрения не советского генералиссимуса, а премьер-министра Великобритании У. Черчилля:

Польша снова подверглась вторжению тех самых двух великих держав, которые держали ее в рабстве на протяжении 150 лет, но не могли подавить дух польского народа. Героическая оборона Варшавы показывает, что душа Польши бессмертна¹⁴.

Маршал Градов страдал от невозможности „форсировать Вислу и вмешаться в ход Варшавского восстания”, ведь ему было „достаточно только приказа”, он находился в 200 км от места трагедии [10; П–271]. „Польская тема потрясала его почему-то своим вероломством и наглым давлением сильных на слабых” [10; П–272] – такое понимание проблемы В. Аксеновым соотносится с герценовским и представляется глубоким и точным:

Ужасно, безысходно положение русского офицера в Польше; быть палачом Польши, быть свидетелем всего этого и не иметь возможности сбросить с себя опозоренное имя война¹⁵.

К гибели маршала Градова привели переговоры с поляками в Кенигсберге. Отряд „смерш” уничтожил штаб Резервного фронта и самого маршала, предлагавшего бескровное решение вопроса с дивизией Вигора. Но перед сценой смерти происходит важная для понимания образа „джентльменская церемония прощания польского и советского маршалов”. В. Аксенов оценивает Никиту Градова с позиции польского маршала:

¹³ Дж. Лукач, *Конец двадцатого века и конец эпохи модерна*, Санкт-Петербург 2003, с. 160.

¹⁴ У. Черчилль, *Гибель Польши*, [в:] *Вторая мировая война в 3-х томах*, т. 1, Москва 1991, с. 205.

¹⁵ А. Герцен, *Россиада* (1863), [в:] его же, *Собрание сочинений...*, указ. соч., с. 164.

Этот Градов – необычный какой-то парень для красных гадов... Глядя на Градова, трудно не верить его слову [10; II–289].

Благодаря этой высокой оценке, тот факт, что маршала Градова хоронили на Новодевичьем кладбище под траурный вальс поляка Шопена [10; II–291], вполне может быть воспринят как признание его рыцарства, как последнее прощание Польши. Кстати, в доме Градовых часто звучит музыка Шопена в прекрасном исполнении хозяйки дома Мэри Вахтанговны. Эти звуки являются составляющим понятия островного уюта мира Градовых. Шопеном в этом доме лечатся, пытаются отгородиться от невзгод, сплываются.

Второй положительный герой романа, Борис Градов,

целый год находился на территории этого государства, столь неудачно расположенного между Германией и Россией [10; II–273].

„Польский вопрос” давно заботил Бориса IV, сына маршала Градова. Он служит в карательных органах [10; III–61] в Польше и признается себе: „Знал бы, что нас в Польшу готовят, никогда бы не пошел в «диверсионку»” [10; II–275].

Издательское участие в Варшавском восстании, „в одном из ключевых событий второй мировой войны” оказалось для Бориса Градова „все-то спасением важного польского коммуниста из пожарища, „брата по классу”. Б. Градов страдает оттого, что „на другом берегу стояла в бездействии могучая армия” (кстати, это был Резервный фронт под командованием его отца), что их поляки считают убийцами, предателями, захватчиками, и приходит к выводу: „Что-то мы здесь не то делаем, что-то неправильное... Не о такой войне мы мечтали...” [10; II–281]. Тем не менее Борис был награжден орденом Красной Звезды, получил „звездочку на погоны” и орден „Виртути Милитари” от Польского правительства [10; II–283]. Перед демобилизацией Борис в течение года „передавал в Познани свой вполне приличный убивальный опыт курсантам польской спецхраны, народу, надо сказать, довольно уголовного типа” [10; III–53].

Поскольку „Польская объединенная рабочая партия щедро благодарит за помощь в закладывании основ пролетарского государства”, Борис Градов после демобилизации „на познанской толкучке закупил себе кучу польского штатского барахла” [10; III–54]. Последнее замечание ценно, поскольку являет собой очередную коннотацию слова „польский”: качественная, элегантная одежда, которой нет в Москве. „В мае 48-го вернулся Борис из Польской Народной Республики, где он огнем и ножом помогал устанавливать братский социализм” [10; III–52]. Иронический эффект двух последних цитат образовался в результате несовпадения, противопоставления цели (устанавливать братский социализм, помощь в закладывании основ пролетарского государства) и средства (огнем и ножом).

После Польши Борис Градов стал в Москве „видавшим всякие виды варшавянином” [10; III–34]. Он умел, силен, „научился в Польше ничего не бояться” [10; III–125], элегантен и хорошо одет, у него есть „профессионализм,

который и не снился чекистам” [10; III–300]. В отличие от последних Борис является человеком чести, как и его отец. Показательно, что самая страшная клятва для Бориса Градова: „Клянусь Польской Народной Республикой” [10; III–109].

Рыцарство Бориса Градова (включая принадлежность к известной в стране семье) в сочетании с виртуозным владением оружием (приобретенным в результате службы в карательных органах) ассоциируется с мушкетерами А. Дюма. К тому же весь облик мушкетерствующего Бориса Градова элегантен, что является обязательной чертой аксеновского положительного героя. Таким образом, само слово „польский” становится оценочным в аксеновском тексте, включающим и понятие „рыцарство”, что имеет свои традиции в русской литературе. Как писал Александр Герцен, „в акте полной преданности родине заключается все христианское значение рыцарства и все рыцарское Польши”¹⁶.

Борис привозит полдюжины толстых свитеров из Польши (совершенно невысказанное богатство для москвича конца сороковых годов), один из которых он пытается подарить казанскому парнишке Васе [10; III–35]. В этом парнишке нетрудно узнать автора романа, врача по образованию, который родился и учился в Казани.

„Польское” в значении „привлекательное на грани опасного” иронически описывается автором *Московской саги* в московских сценах 1925 года. Верника Градова принадлежит к „клану дерзких москвичек в польских жакетках” [10; I–73], „контрабандно” приобретаемых на Петровке. К ужасу военачальника Никиты Градова, его жена предлагает следующий способ элегантно одеться:

Если бы хоть Варшава была наша... Никита вздрогнул. Легкомысленная женщина вдруг воткнула булавку в сердцевину тайных стратегических совещаний. – Что ты говоришь, Ника! Варшава? – А что? Надо взять наконец Варшаву, пожить там немного, а потом уйти. Предложи в наркомате [10; I–75].

Ужас Никиты объясняется тем, что результаты пять лет назад закончившейся польской войны (присоединение к Польше Западной Украины и Западной Белоруссии) по-прежнему являются „сердцевиной тайных стратегических совещаний” в Кремле. Таким образом, советскому военачальнику лучше других была ясна опасность этих слов. Очевидная для всех привлекательность Польши скрывается, поскольку Польша провозглашена врагом. Значит, произносить вслух признание в любви к Польше становится опасным.

Интересно, что опасность такого же рода имел в виду и Н.С. Хрущев, когда 8 марта 1963 г. в Кремле на торжественном совещании критиковал знаменитых молодых советских литераторов В. Аксенова и А. Вознесенского за

---

¹⁶ А. Герцен, *Что же дальше?*, [в:] его же, *Собрание сочинений...*, указ. соч., с. 303.

„неправильные” ответы на вопросы польского журнала „Политика” о последствиях культа личности в литературе. Оценивая журнал „Политика” как „дерзкий, скрыто ревизионистский орган печати”¹⁷, В. Аксенов намекает и на опасность самого журнала для советских читателей. Обвинение сводилось к тому, что своими ответами В. Аксенов, с одной стороны, „мстит за своего отца” (отсидевшего 18 лет в лагере), а с другой стороны, „мешает братской Польше строить социализм”¹⁸. С этого смехотворно-опасного события 1963 г., видимо, и начинается история привлекательной и опасной польской темы в жизни и творчестве В. Аксенова.

Уже в самом начале аксеновского романа *Вольтерьянцы и вольтерьянки* (2004) главные персонажи по пути в Париж оказываются в Польше. И в романе начала XXI века о веке XVIII значимость и срединное положение Польши подчеркивается В. Аксеновым. Как и всегда, в Польше традиционно сочетаются элегантность с ненавистью к завоевателям: „В Данциге, вольном мясте или вольном штадте”, к русским европейцам, принятым за французов, „многие из гданьского народа”, настроенного супротив „российского произвола”, „относились с симпатией”, поскольку те „по-светски включали в речь польско-галльские бонмоты”¹⁹.

Таким образом, по-прежнему наличествует польская тема в произведениях В. Аксенова. Объясняется это в первую очередь глобалистским, „вольтерьянским” мировоззрением автора. Персонажи аксеновских произведений, осознающие себя российскими европейцами, непременно оказываются вовлеченными в решение „польского вопроса”.

---

¹⁷ В. А к с е н о в, *Зима тревоги нашей или как марксист Никита учил писателей партийной правде*, „Стрелец” 1991, № 1, с. 182.

¹⁸ Там же, с. 183.

¹⁹ В. А к с е н о в, *Вольтерьянцы и вольтерьянки*, Москва 2004, с. 19.

